

Роэнгрин посмотрела на него холодными, мертвыми глазами. В ее взгляде не было ни тени колебания, отчего Дитрих вздрогнул.

«Ваше превосходительство, в ваших аргументах есть противоречие. Вы сказали, что хотите, чтобы ваш наследник был безупречен. Конечно, ничего подобного никогда бы не случилось, но давайте предположим, что мы официально усыновим ребенка. Мы должны пожениться следующей весной, и вдруг появляется пятилетний ребенок. Что подумают остальные? Это действительно будет безупречный наследник? Как думаете, семьи вассалов, о которых вы так печетесь, последуют за этим ребенком?»

Взгляд Дитриха изменился, после критики Роэнгрин. Однако выражение его лица, казалось, указывало на то, что он уже о чем-то подумал, а не осознал то, чего не учел. Он открывал и закрывал рот, как будто не решался что-то сказать, а затем крепко зажмурился.

—Разве это не счастье, что Винсент так похож на меня?

Кончики пальцев Роэнгрин, постукивавшие по столу, внезапно остановились.

—В этом нет ничего подозрительного. Вы потеряли голос и два года не посещали императорский бал. Так что...

«Помолчи лучше».

—Если мы скажем, что он наш ребенок....

Она попыталась остановить его взглядом, но Дитрих, зажмурив глаза, продолжал говорить, будто ничего не замечал.

—Конечно, найдутся те, кто нам не поверит. Но кто осмелится выступить против нас, когда так говорят герцог и герцогиня?

Руки Роэнгрин, которые были сжаты в кулаки, задрожали. Он не только хотел сделать незаконнорожденного ребенка наследником, но и пытался запятнать ее честь. Если бы Вернер был там, он бы уже обнажил свой меч. Нет, если бы она могла, то сделала бы это...

Роэнгрин пыталась прийти в себя, ее голова кипела от гнева. Она услышала, как он бормочет о "нашем ребенке", и поняла, что он не испытывает особой привязанности к Рене. Он думал, что ребенок, рожденный от немой женщины, будет неполноценным, но он не хотел отказываться от Нордванта. Он также не хотел сироту...

Она не могла понять, чего он хотел и как ему могли прийти в голову такие абсурдные идеи.

Пламя камина проникло в ее затуманенное гневом зрение. Казалось, пламя вот-вот взорвется. Роэнгрин зажмурила глаза, наблюдая, как они становятся синими, черными и огненно-зловещими, следуя за ее гневом. К счастью, Дитрих не заметил странного явления, поскольку стоял спиной. Она попыталась подавить свой гнев и крепко сжала ручку.

«Я была неразумной, пытаюсь завести с вами разговор. Мне больше стыдно за то, что я назвала вас своим женихом, чем за то, что я потеряла голос. По крайней мере, я могу гордиться тем, что потеряла голос, и мне не о чем сожалеть».

Роэнгрин, губы которой почти кровоточили от того, как сильно она их кусала, усмехнулась про себя.

«Вы должны быть благодарны, что Вернера и рыцарей Нордванта здесь нет».

В противном случае трагедия Довранта была бы воспроизведена здесь как трагедия Гидеона.

Трагедия Довранта. Около 200 лет назад Хельга Нордвант, 42-й маркграф, уничтожила всех, кроме пятнадцатилетнего молодого лорда Довранта, предателя севера.

Если бы здесь присутствовали остальные члены Нордвант, жизнь Дитриха не была бы спасена. Лицо Дитриха застыло, как у статуи, от прямого предупреждения о том, что его жизнь была сохранена.

«Мне больше нечего сказать. Я, пожалуй, уйду...»

—В любом случае.

Роэнгрин начал писать быстрее обычного, как будто ей больше не нужно было быть внимательной к нему. Дитрих даже не пытался читать по ее губам и прервал ее.

—У вас нет выбора. Думаешь, я этого не знаю?

Дитрих зарычал и снова хлопнул ладонями по столу.

—Вы собираетесь разорвать помолвку со мной и обручиться с Карлайлом Ансгаром? Этот прихвостень был бы счастлив заполучить такую немую женщину, как вы. Он достаточно умен, чтобы без колебаний принять имя Нордвант. Скорее всего, он просто возьмет ваши деньги и бросит.

Дитрих усмехнулся Роэнгрин, которая смотрела на него без всякого выражения.

—Лучше, чем Нордвант, который носит только свое изношенное название, Арнонкур. Ах, вы знали, что он долгое время встречается с леди Валери? Вы были так заняты своей гордыней, что игнорировала все новости из светских кругов.

Он насмеялся над Роэнгрин, наклонившись вперед. Роэнгрин оставалась неподвижной, но холодное пламя горело глубоко в фиалковых глазах, которые пристально смотрели на него. Дитрих закусил губу, уставившись на Роэнгрин. Было ясно, что это он в одностороннем порядке продвигал проблему, но вместо этого он чувствовал себя так, словно его загнали в угол.

Он медленно вздохнул и сказал более мягким тоном.

—Конечно, я понимаю, почему вы злитесь. Но подумайте об этом. Разве это не было бы хорошо для нас обоих? Нордвант не потеряет семью, которая могла бы стать силой в центральной политике, а у Гидеона родится здоровый ребенок.

Его голос, который он пытался придать звучанию так, будто все это было для нее, вызывал отвращение. Тошнотворно, кто бы мог подумать, что она когда-нибудь подумает такое о Дитрихе? Роэнгрин внутренне посмеялась над собой.

—Не нужно стыдиться этого, потому что это из сочувствия. Вам, не умеющей говорить, должно быть, трудно отстаивать свою власть во дворце, но разве не было бы полезно, если бы у вас родился здоровый ребенок? Это не такое уж плохое предложение, не так ли?

Роэнгрин уставилась на него с непроницаемым выражением лица, затем опустила глаза и взяла ручку, приоткрыв губы.

«Я вынесу решение, с вас достаточно».

Губы Дитриха сжались в тонкую линию. Он не мог определить ее тон, потому что не мог слышать ее голоса, а поскольку он не мог определить ее тон, он не мог понять, что она чувствовала или думала.

Нет, на самом деле, он едва мог понять чувство, стоящее за этими словами. Это было потому, что он недостаточно изучил язык жестов. Пока он пытался скрыть свое нетерпение и наблюдал за Роэнгрин, она спокойно и аккуратно писала длинные предложения убористым почерком.

«Я увидела достаточно истинного лица, чтобы его хватило на всю жизнь. Вам не кажется, что я заслуживаю похвалы за то, что перенесла это унижение? Я попрошу отца начать процедуру аннулирования брака, как только он прибудет в Берн. Я думаю, что этого хочет и молодой герцог. Шансов на примирение нет, поэтому не приезжайте в особняк Нордвант. Особенно если вы не хотите опозориться перед другими. Я больше не хочу об этом говорить».

Она хотела убраться оттуда как можно быстрее. Роэнгрин осторожно, не издав ни звука, отложила ручку и пододвинула последний лист бумаги. Прежде чем Дитрих успел это вынести, она выпрямилась и отдала ему пуговицы. Она ушла, не попрощавшись и даже не взглянув ему в глаза.

Когда Роэнгрин выходила из комнаты, позади нее раздался шорох бумаг, грубо сметаемых со стола. Спокойная темнота заполнила особняк Нордвант в Первом районе столицы Империи Берна. Роэнгрин вошла в спальню через северную террасу. Она планировала немного отдохнуть, а затем убрать беспорядок до рассвета.

Она потянулась за бумагой и ручкой на приставном столике, но потом посмотрела на свои руки. Неприятное ощущение его потных ладоней задержалось на ее сухих руках.

Роэнгрин запоздало сжала окоченевшие руки, чувствуя подкрадывающееся к ней напряжение. Она тихо вздохнула.

Она села на подоконник в восточном эркере и написала четыре короткие записки. Она написала несколько инструкций Герте и рыцарю сопровождения Ульриху, а также краткое объяснение ситуации своему отцу и Вернеру, сказав, что приедет в Берн одна из-за срочного дела.

Конечно, она не стала вдаваться в подробности того, что произошло. Не хватило места, чтобы написать длинное письмо, и было неуместно писать об обмане и оскорблениях Дитрих в такой короткой записке. Завтра вся семья должна была уехать в Берн, и она не хотела добавлять ненужных забот к их плотному графику.

Роэнгрин еще раз проверила, разборчив ли ее почерк, затем открыла эркерное окно и воззвала к духу стихии. Дух стихии размером с ноготь большого пальца, в форме человека, изящно поклонился ей на ладони.

«Доставь».

Дух стихии взял сложенные бумаги, которые передал Роэнгрин, и исчез. Роэнгрин прислонилась головой к окну. Она намеревалась успокоить свой лихорадочный ум, пока не приедут Герта и Ульрих.

«...»

Однако предыдущий разговор продолжал прокручиваться у нее в голове. Роэнгрин тупо уставилась в окно и закрыла глаза.

Даже ей было нелегко проигнорировать слова Дитриха. Она изо всех сил старалась не показывать, как сильно ее ранят его резкие насмешки и критика каждый раз, когда он

говорил.

Даже если она не испытывала к нему особой привязанности или ожиданий, казалось, что связь, которую они создали за последние восемь лет, не исчезла полностью. Возможно, она доверяла ему больше, чем думала

Рознгрин обвела глазами крыши за садом. Это было направление на особняк Гидеона. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза.

Основатель Нордвант, Эрнст, упоминался как помощник в героическом мифе о великом Вальдре, короле-основателе империи Вальдрант.

Его сын Ингольф привел многих северян к тому, что они первыми присягнули на верность город-государству Берн. 17-я маркграфиня Изольда укрепила внутреннее единство, в то время как империя расширила свою территорию на юг...

На пурпурном ковре, по которому проходит император во время церемонии коронации, серебряными нитями вышиты имена и гербы семей, оставивших значительный след в истории империи.

Первым из них, чуть ниже имперского герба, было имя Нордвант.

Вождь Севера, Страж Великой Северной стены, Первый Принесший Клятву Вальдеру, Хранитель Пепельного ключа от Мавзолея Вальдранта.

Вес каждого из этих многочисленных имен был немалым. Никто, даже правящая семья, не мог относиться к Нордванту легкомысленно.

По крайней мере, до тех пор, пока магическая сила, которая текла через их родословную, не исчезла без следа, а храбрость Эрнста была стерта Вальдре, который опасался Нордванта.

<http://tl.rulate.ru/book/105265/4081562>